

религиозного угнетения, в стремлении к воссоединению с Русским государством. Война 1648–1651 гг. и война 1654–1667 гг. были преподнесены как освободительные для белорусского народа. Первую половину XVIII в. ученый обозначил периодом экономического и политического упадка Речи Посполитой. В годы Северной войны, по мнению Л. С. Абецдарского, «белорусские партизаны» активно поддерживали российские войска [10, с. 116–182].

Рецензию на макет книги подготовили академик Н. М. Дружинин, кандидаты исторических наук А. В. Иванов, В. Д. Королук, А. Н. Мальцев. Сотрудники Института истории АН СССР отметили особенности издания: «книга об истории народных масс», классовой борьбе, борьбе белорусского народа против немецких, шведских, польских и иных феодалов-захватчиков, история Беларуси представлена в тесной связи с историей России, Украины, Польши и Литвы, то есть раскрыта общая историческая судьба русского, украинского и белорусского народов [11, л. 116–117]. Несомненно, научная позиция Л. С. Абецдарского полностью отвечала основному направлению советской историографии.

#### Библиографические ссылки:

1. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 64.
2. ЦНА НАНБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4220.
3. Тэзісы аб асноўных пытаннях гісторыі БССР (матэрыял для выкладчыкаў, лектараў і дакладчыкаў) // Бальшавік Беларусі. 1948, № 3. С. 89–144.
4. За стварэнне марксісцка-ленінскай гісторыі Беларусі // Бальшавік Беларусі. 1949, № 1. С. 59–65.
5. История БССР. Ч. I. С древнейших времен до конца XVIII века. Минск : Изд-во АН БССР, 1948.
6. ЦНА НАНБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 458.
7. Козлов, А. Научно-исследовательская работа Института истории Академии наук Белорусской ССР за 1946–1949 годы // Вопросы истории. 1950, № 8. С. 157–159.
8. ЦНА НАНБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 463.
9. ЦНА НАНБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 653.
10. История Белорусской ССР / Академия наук Белорусской ССР, Институт истории. Т. 1. Минск : Издательство Академии наук Белорусской ССР, 1954.
11. ЦНА НАНБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1918.

УДК 930.1

#### «СОЗНАТЕЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ» ДОНАЛЬДА Д. ХОФФМАНА И ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

А. М. Бежавский

*Белорусский государственный университет,  
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; bialiauski@bsu.by*

В статье раскрывается сущность дискуссий между представителями традиционной и постмодернистской англоязычной историографии в конце XX – начале XXI вв., отмечается, что за пределами этих дискуссий остаются открытия в области квантовой механики, способные существенным образом повлиять на ход и результат этой полемики. Далее приводится описание концепции из области когнитивной психологии, выдвинутой Дональдом Д. Хоффманом, под названием «сознательный реализм», и делаются предположения относительно того, как принятие этой концепции научным сообществом могло бы сказаться на понимании объекта и предмета исторической науки.

**Ключевые слова:** историография; постмодернизм; деконструктивизм; когнитивная психология; сознательный реализм; объект и предмет истории.

## DONALD D. HOFFMAN'S CONSCIOUS REALISM AND OBJECTIVE HISTORY: EPISTEMOLOGICAL PERSPECTIVES

A. M. Bialiauski

*Belarusian State University, Niezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus; bialiauski@bsu.by*

The article reveals the essence of discussions between representatives of traditional and postmodernist English-language historiography in the late XX – early XXI centuries, it is noted that certain discoveries in the field of quantum mechanics that can significantly affect the course and outcome of this controversy remain outside these discussions. Then follows an explanation of a concept from the field of cognitive science put forward by Donald D. Hoffman, called “conscious realism,” and assumptions are made as to how possible acceptance of this concept by the scientific community could affect the understanding of the object and subject of historical science.

**Key words:** historyography; postmodernism; deconstructivism; cognitive science; conscious realism; object and subject of history.

В 1997 г. очередная книга одного из наиболее известных современных представителей так называемой постмодернистской историографии Алуна Манслоу, «Деконструируя историю», вышла со следующей аннотацией на последней странице обложки: «Лишь немногие историки сейчас утверждают, что они пишут истину о прошлом. Деконструктивистское прочтение истории и источников полностью изменило историческую науку...» [1]. Мало кто из белорусских историков согласился бы с этим утверждением тогда, и рискну предположить, что ненамного больше согласится сегодня, особенно, если заменить слово «истина» более привычным – «объективная картина» (что, в сущности, почти ничего не меняет). Тем не менее, в западной историографии, начиная примерно с последней четверти XX в., полемика между так называемыми «реконструктивистами» (эмпириками) и «деконструктивистами» (релятивистами)<sup>1</sup> проходит с ощутимым, если не количественным, то качественным преимуществом последних.

В основе критики традиционной («объективной», или модернистской) историографии лежат идеи Мишеля Фуко, Жана-Франсуа Лиотара, Жака Дерриды и некоторых других представителей постструктуралистской философии. Вкратце суть доводов деконструктивистов (Х. Уайт, П. Вен, Ф. Р. Анкерсмит, Д. ЛаКапра, К. Дженкинс, А. Манслоу и др. [1, р. 19]), действительно очень существенно изменивших современную методологию истории (на Западе), сводится к следующему. История представляет собой социально, культурно и литературно обусловленный нарратив, репрезентирующий прошлое в категориях, актуальных для определенной группы людей в настоящем. Аналогичная обусловленность свойственна и любым нарративным историческим источникам. Это значит, что и проведение исторического исследования, и создание текста, представляющего его результаты, в любом случае определяется социальным, политическим и философским контекстом, в рамках которого историк концептуализирует прошлое, а также литературными приемами (тропами) и формами, с помощью которых и в рамках которых это осуществляется.

Таким образом история всегда конструируется, а не реконструируется. Защита приверженцев классических взглядов на историю (О. Стоун, А. Марвик, Дж. Тош и др. [1, р. 18]) основывается на фактически религиозной (потому что противоречащей данным современных фундаментальных исследований в соответствующих научных областях) вере в способность исследователя отстраниться от всего вышеперечисленного и занять так называемую «точку зрения Бога», и в корреспондентскую теорию истины, позволяющую оперировать историческими источниками в качестве доказательств. Более подробно с аргументами обеих сторон можно ознакомиться на примере полемики А. Манслоу и А. Марвика вокруг работы последнего «Новая природа истории» (2001) [2; 3].

---

<sup>1</sup> Между этими полярными позициями выделяются еще конструктивисты, акцентирующие внимание на роли социальной теории в историческом построении (Н. Элиас, Э. Гидденс, П. Андерсон, Э. П. Томпсон и др. [1, р. 19]).

Однако в дискуссиях между историками-традиционалистами и историками-постмодернистами остается как бы за скобками то, что лингвистическая философия и литературная критика были важным, но не единственным источником такого многогранного и расплывчатого явления, как постмодернизм. Еще один сильный импульс в его развитии, понимание которого гораздо медленнее проникает в гуманитарные науки, пришел из сферы естественных наук. Речь идет о физике, а точнее, квантовой механике, казалось бы, не имеющей к гуманитариям и, тем более, историкам никакого отношения. Вопреки этому мнению, заметные следы влияния сильнейшего потрясения, постигшего физику в начале XX в., отчетливо прослеживаются в одном из первых литературных произведений, относимых к постмодернистским – романе ирландского писателя Флэнна О'Брайена «Третий полицейский» (1940, который впервые опубликован в 1967 г. [4]. Он наполнен аллюзиями на реальные и вымышленные концепции из неклассической физики. Можно предположить, что, когда эта составляющая постмодернизма начнет все-таки обращать на себя внимание историков, перед сторонниками эмпирического подхода к изучению прошлого откроются вопросы, отвечать на которые станет на порядок сложнее, чем на деконструктивистскую критику (поскольку исходить они будут из сферы той самой «точной науки», которую они рассматривают в качестве образца, отражая критику философов и литературоведов). Безусловно, многое здесь зависит от того, какая из конкурирующих версий интерпретации квантовой механики достигнет наибольших успехов. Для примера можно обратиться к одной из них – квантовому байесианству (К. Фукс, К. Кейс, Р. Шак) в версии Кристофера Фукса (QBism). Эта интерпретация «принимает во внимание статистические изыскания Байеса, которые отражают личностный фактор в нахождении результатов – личные предположения. С этой точки зрения волновая функция – «личная», представляющая измерения индивидуальных знаний состояния системы, которые можно использовать для предсказания ее будущего» [5]. Идеи Фукса повлияли на создание оригинальной концепции когнитивной деятельности человека, разработанной профессором когнитивных наук, философии, информационных и компьютерных наук университета Калифорнии в Ирвине Дональдом Д. Хоффманом. Переход от когнитивной психологии к историческому познанию выглядит уже более коротким, чем от квантовой механики, и я попробую далее сделать некоторые предположения относительно его возможных последствий для истории. Но вначале нужно более подробно остановиться на изысканиях профессора Хоффмана.

На протяжении нескольких десятилетий Хоффман специализировался на изучении связей между эволюцией, восприятием и интеллектом, пытаясь создать математическую модель сознания. Центральной проблемой его исследований был вопрос «Видим ли мы реальность такой, какая она есть?» [6; 7, с. 140–144; 8]. Традиционным аргументом в пользу того, что наши чувства объективно отражают реальность, считается дарвинизм, представления об эволюции, согласно которым способность объективно воспринимать реальность является определяющим фактором в борьбе за выживание. В противовес этому Хоффман выдвинул теорему, доказанную физиком и математиком Четаном Пракашем, «которая предполагает, что в соответствии с теорией эволюции путем естественного отбора организм, воспринимающий реальность такой, какая она есть, не будет лучше приспособлен, чем организм настолько же развитый и не воспринимающий реальность вовсе, но все ресурсы которого направлены на приспособляемость» [8]. Человек как вид развил органы чувств, которые позволили ему выжить, но это еще не значит, что их информацию следует воспринимать буквально.

В качестве аналогии работе сознания Хоффман приводит интерфейс рабочего стола компьютера. Условная синяя прямоугольная иконка в правом нижнем углу рабочего стола не означает, что сам файл является синим прямоугольником, живущим в этом месте монитора. «Единственное, что можно сказать об объектах на рабочем столе – у них есть цвет, расположение и форма. Вам доступны только эти категории, но ни одна из них не говорит о том, что на самом деле представляет собой файл или что-либо другое в компьютере. Они просто не способны быть истиной» [8]. Однако

вместе с тем, они сообщают нам достаточно необходимой информации, чтобы определить наше поведение. Так же обстоит дело и с нашими органами чувств, которые в процессе эволюции выработали наиболее эффективный способ передачи сознанию необходимой информации, определяющей наше адаптивное поведение. Но «необходимая» еще не значит «истинная». Вся необязательная для выживания информация отсекается сознанием, а это, по сути, и есть вся объективная реальность, о которой таким образом невозможно узнать ничего, кроме того, что она существует.

Отсюда Хоффман делает вывод, что мир нашего повседневного опыта, такой, каким его представляет наше сознание – «мир столов, стульев, звезд и людей, мир форм, запахов, ощущений и звуков» – это присущий исключительно нашему биологическому виду «интерфейс» между нами и гораздо более сложной реальностью. Главное качество этого интерфейса – сознание. Сознательный опыт, набор всех возможных впечатлений, дает нам набор возможных действий и стратегию принятия решений, которая позволяет при необходимости менять свое поведение. Существование «внешнего мира» в этой структуре, по сути, не является обязательным – на его месте может оказаться другой агент сознания. В итоге получается цепь сознательных агентов или даже целые сети произвольной сложности. Это и есть мир. Таковую картину мира Хоффман назвал «сознательным реализмом», подразумевая этим, что для него объективная реальность – лишь агенты сознания.

В такой картине мира принципиально нет места его описанию от третьего лица, к которому стремилась классическая наука. Объяснение этого лучше представить непосредственно словами самого Хоффмана: «Идея о том, что все, что мы делаем, есть измерение общедоступных объектов, идея о том, что объективность исходит из факта, что вы и я можем измерить один и тот же объект в той же ситуации и получить один и тот же результат – для квантовой механики очевидно, что эта идея должна быть отброшена<sup>1</sup>. Физики твердят, что не существует никаких общедоступных физических объектов. Что тогда происходит? Вот, как я вижу ситуацию. Я могу рассказывать вам, что у меня болит голова, и полагать, что я эффективно взаимодействую с вами, ведь у вас тоже были головные боли. То же самое можно применить к яблокам, к Луне, к Солнцу, ко всей Вселенной. Точно так же, как у вас своя собственная головная боль, у вас и своя собственная Луна. Но я могу предположить, что она весьма похожа на мою. Это предположение может быть ложным, но это источник моего взаимодействия, и это лучшее, что мы можем сделать с точки зрения физических объектов и всей объективной науки» [8]. Однако нейробиологи «не только игнорируют прогресс в области фундаментальной физики, но и часто недвусмысленно выражают свое мнение. Они открыто скажут, что квантовая физика не имеет отношения к аспектам мозговой активности, находящимся в причинно-следственной связи с сознанием. Они уверены в том, что это наверняка типичные свойства нервной деятельности, существующие независимо от каких-либо наблюдателей – скачущий пульс, сила связей между синапсами, а также, возможно, еще и динамические свойства.

Все эти концепции очень типичны для ньютоновской физики, в рамках которой время, как и объекты, абсолютны. И потом [нейробиологи] ума не приложат, почему они не добиваются прогресса. Они не пользуются невероятными озарениями и прорывами, которые совершаются в физике. Эти озарения только и ждут, чтобы мы их использовали, и тем не менее, мои коллеги говорят "Спасибо, но мы продолжим придерживаться Ньютона. Останемся на 300 лет позади в нашем понимании физики"» [8]. Привыкнуть к такой картине мира и даже просто согласиться с ней очень сложно, потому что наше сознание и наш повседневный опыт с самого рождения подталкивают нас к другому. Но не нужно забывать, что повседневный опыт также говорит нам о том, что Земля плоская, и что Солнце вращается вокруг Земли.

---

<sup>1</sup> Любопытно, что для рядового обывателя эта мысль все еще настолько неприемлема, что даже переводчик статьи не смог ее правильно перевести, употребив вместо выделенной курсивом фразы (мой перевод) выражение «у этой идеи есть смысл», противоречащее контексту и оригинальному тексту: «it's very clear from quantum mechanics that that idea has to go» [9].

Дальнейшим рассуждениям и выводам следует предпослать большое и значительное ЕСЛИ. Действительно, в случае, если «сознательный реализм» Д. Хоффмана завоюет признание более или менее значительной части научного сообщества в своей области, – что, в свою очередь, напрямую зависит от успешности байесианского объяснения коллапса волновой функции – то истории придется навсегда распрощаться с одной из своих самых священных коров, представлениями отображения объективной реальности историческими источниками. Видимо, та же судьба ожидает и традиционное понимание самих источников как продукта этого отражения. Кроме того, физическое устранение объективной реальности из предмета спора между эмпириками и релятивистами в истории окончательно разрешит его в пользу последних. Однако и они не обойдутся без потерь, поскольку рассуждения даже о приближении к действительности тоже придется оставить. Объектом истории вместо того, что «было на самом деле», становится реальность взаимодействующих агентов сознания, для которых одной из форм адаптивного поведения становится создание репрезентаций прошлого. Сложность в том, что в таком случае научная история, по всей видимости, теряет какие бы то ни было преимущества перед другими репрезентациями – мифологической, эпической и др., становясь только «одной из». Попутно это может привести и к потере историей существенных отличий от литературного творчества (на что, собственно, и указывают деконструктивисты). Предметом истории, вероятнее всего, могут стать формы и методы создания таких нарративов, представленных в исторических источниках, и способы их легитимации и универсализации, т.е. согласования между собой и в рамках какого-либо сообщества и составления из них общей картины прошлого (в случае, если это происходит), принимаемой и разделяемой этим сообществом.

#### Библиографические ссылки:

1. Munslow, A. Deconstructing History / A. Munslow. – London and New York: Routledge, 1997. – 226 p.
2. Munslow, A. Book review: The New Nature of History: Knowledge, Evidence, Language by Arthur Marwick, Palgrave, 2001, pp. xvi, 334 / A. Munslow // What Is History [Electronic resource]. URL: <https://archives.history.ac.uk/history-in-focus/Whatishistory/munslow5.html>.
3. Marwick, A. Author's response: The New Nature of History: Knowledge, Evidence, Language by Arthur Marwick, Palgrave, 2001, pp. xvi, 334 / A. Munslow // What Is History [Electronic resource]. URL: <https://archives.history.ac.uk/history-in-focus/Whatishistory/marwick2.html>.
4. О'Брайен, Ф. Третий полицейский / Ф. О'Брайен; пер. с англ. Е. Суриц. – М.: Текст, 2013. – 254 с.
5. Хель, И. 10 интерпретаций квантовой механики / И. Хель // Hi-News.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://hi-news.ru/science/10-interpretacij-kvantovoj-mexaniki.html/amp>.
6. Тулина, Е. Существует ли реальность? Да, но мы ее не видим (Дональд Хоффман на TED) / Е. Тулина // Моноклер [Электронный ресурс]. – [без даты] – Режим доступа: <https://monocler.ru/sushhestvuet-li-realnost-donald-hoffman/> – Дата доступа: 09.11.2019.
7. Брокман, Дж. Во что мы верим, но не можем доказать: Интеллектуалы XXI века о современной науке / Дж. Брокман; пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2011. – 336 с.
8. Гефтер, А. Профессор Дональд Хоффман против реальности / А. Гефтер // Fast Salt Times [Электронный ресурс]. URL: <https://fastsalttimes.com/sections/persona/671.html>.
9. Gefter, A. The Case Against Reality: Interview with Donald Hoffman / A. Gefter // The Atlantic [Electronic resource]. URL: <https://www.theatlantic.com/science/archive/2016/04/the-illusion-of-reality/479559/>.

УДК 902/904 (476): 930(476) «19»

#### ПРАБЛЕМЫ ПАЧАТКАЎ БЕЛАРУСКАЙ АРХЕАЛОГІІ Ў ПРАЦАХ НАВУКОЎЦАЎ XIX СТ.

А.У. Вайтовіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,  
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь; [vaitovich.aliaksandra@gmail.com](mailto:vaitovich.aliaksandra@gmail.com)*

Разглядаецца пытанне аб тым, як інтэрпрэтавалі пачатковы этап станаўлення айчынай археалогіі навукоўцы XIX ст. Адзначана, што праблема зараджэння археалогіі неаднаразова